

На правах рукописи

НЕХАЕВ Андрей Викторович

Когнитивные функции мнения

**Специальность 09.00.01 –
онтология и теория познания**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Тюмень 2006

Работа выполнена на кафедре философии государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор
Халин Сергей Михайлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор
Лобовиков Владимир Олегович
кандидат философских наук,
доцент
Герасимов Вячеслав Михайлович

Ведущая организация: Алтайский государственный университет

Защита состоится 2 июня 2006 года, в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Тюменском государственном университете (625003, г. Тюмень, ул. Перекопская 15-а, ауд. 215).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «__» _____ 2006 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор*

Ю.А. Мешков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- *Актуальность исследования.* Изучение человеческого познания, его предпосылок, природы и границ традиционно считается важнейшей задачей философского анализа. Теория познания всегда занимала особое, и даже привилегированное положение, являясь одной из тех немногих дисциплин, правомерность принадлежности которой к философии практически никогда не ставилась под сомнение. При этом акт познания в отношении некоторого предмета обычно понимается как процесс, в ходе которого происходит переход от ситуации его незнания или воздержания от суждения о нем к определенному утверждению или системе утверждений, приписывающих и предсказывающих этому предмету некоторые вполне определенные свойства, что, соответственно, означает – помимо проведения детального анализа вопросов, связанных с тем, какова природа познания и что можно противопоставить характерному для скептицизма отрицанию возможности познания – необходимость исследования целого комплекса проблем, основная суть которых заключается в прояснении того, чем такая особая познавательная форма как мнение отличается от иных «эпистемических состояний» сознания познающего субъекта, и в первую очередь от такого как знание, а также установлении тех критериев, которые позволили бы оценивать относительную приемлемость и адекватность некоторого мнения своему предмету.

Постепенное укрепление в современной теории познания представлений о том, что любой предмет, на который оказывается направлен познавательный акт, может быть категоризован и описан с одинаковым успехом многими способами, которые отличаются по существу в онтологическом наполнении, что влечет за собой взаимную несовместимость данных категоризаций и описаний, а также осознание принципиальной невозможности завершения сущностной категоризации мира, так как само наличие множественности версий мира, имеющих в различных знаковых системах, означает бессмысленность поисков некоторого вполне определенного «полного описания действительности», во многом приводит к утверждению идей онтологического релятивизма, заключающихся в том, что онтологически предложения имеют истинностное значение лишь относительно «истолкования» и «трактовки» предметов нашего мира, или действительности. Иными словами, указание на

«мир» имеет смысл только в том случае, если оно соотносится с какой-то системой описания, а это, в свою очередь, означало, что язык и предоставляемые им способы описания и референции все более вовлекаются в центр философского анализа.

Однако тот факт, что в основе большинства современных версий семантики и философии языка лежит методологическое предположение, основанное на так называемом картезианском резолюционно-композиционном методе, не позволяет использовать достигнутые ими результаты в том виде, в котором они были получены, без внесения существенных изменений. В самом общем виде этот метод требует, разделения сложных проблем на составляющие их более простые компоненты, в соответствии с чем, любое исследование рекомендуется начинать с более простых проблем, а затем постепенно и осторожно добираться до более крупных и сложных. Соответственно, применение резолюционно-композиционного метода в исследовательской практике современной философии языка означало появление почти повсеместно разделяемого убеждения, согласно которому анализ языка должен начинаться с исследования поведения логических постоянных – имен собственных, а также значения слов и предложений, поскольку именно путем анализа предложений, их основных компонентов или простых соединений предложений предполагалось эксплицировать трансцендентальные условия истины и значения, но, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, и неявно полагаемую интуитивную оправданность данного метода, его, тем не менее, следует, если принять холистское допущение о природе языка, отвергнуть.

В современной философии вообще не расценивается как проблема тот факт, что язык может демонстрировать сложную картину реальности в контексте конечных осмысленных множеств, то есть текстов, лучше, чем с точки зрения индивидуальных предложений. Иными словами, большинство исследователей логико-семантических свойств языка не усматривает проблемы именно в этом, предпочитая избегать анализа структуры дискурса или систем предложений, то есть того, что, например, совершенно принципиально не могло быть элиминировано лингвистикой текста и литературоведением, хотя, тем не менее, многие актуальные познавательные формы, и среди них мнения – имплицитно содержащиеся в естественном языке и эксплицируемые обыденным, или повествовательно-прозаическим, художественным, историографическим, философским и другими видами дискурса – демонстрируют, с од-

ной стороны, принципиальную невозможность своей редукции к индивидуальным высказываниям, организованным в закрытые дедуктивные системы отношениями логического следования, а, с другой, несмотря на свою принципиально неустранимую множественность в отношении некоторого общего для них предмета, они показывают замечательную способность служить инструментом познания мира.

• ***Степень разработанности темы исследования.*** Центральная проблема данного исследования – *когнитивные функции такой особой познавательной формы, как мнение* – рассматриваемая в контексте прояснения отношений между языком и миром, означающем в свою очередь *необходимость всестороннего анализа свойств мнения, представленного в виде дискурсивно организованных осмысленных конечных множеств высказываний*; потребовала детального критического исследования современного состояния философской мысли.

Необходимо подчеркнуть, что в целом проблемное поле диссертационного исследования следует рассматривать как составную часть более общей проблематики философии языка. При этом искомая систематическая теория значения в отношении такой особой познавательной формы, как мнение, позволяющая выработать критерий для его оценки, должна быть строгой и достаточно богатой по своим объяснительным возможностям, но, в то же время, основывается не на атомарной, то есть берущей в качестве исходной значимой единицы языка отдельное слово – термин или понятие, и не на молекулярной, утверждающей исходной значимой единицей языка – целое предложение, а на универсальной, или холистской, модели языка.

Прежде всего, следует отметить, что идеи, изложенные в работах таких философов как Ксенофан, Парменид, Протагор, Горгий, Пиррон, Платон, Аристотель, Ксенократ, Ансельм Кентерберийский, Боэций Дакийский, У. Оккам, Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Э. Гуссерль, Ф.Г. Брэдли (F.H. Bradley), Г. Ланц, Ж.-П. Сартр, К.Р. Поппер – помогли автору сформировать и предложить собственный взгляд, а также определить возможные перспективы философских исследований в данной области. Кроме того, в области некоторых общих вопросов теории познания и эпистемологии, затронутых в данном исследовании, существенную помощь автору оказали работы – В.А. Лекторского, М.Д. Купарашвили, Е.А. Мамчур,

Т.Б. Романовской, З.А. Сокулёр, С.М. Халина, М.Н. Щербинина – а при рассмотрении проблемы правдоподобности большое значение имели идеи, принадлежащие – Д. Пойя.

Особо необходимо подчеркнуть значение для данного исследования идей кантовского трансцендентализма, составляющих одно из концептуальных оснований диссертационного исследования, которые предоставляют возможность для осуществления процедуры трансцендентальной дедукции как способа аргументации утверждения, согласно которому наше познание мира во многих сферах становится возможным только благодаря такой познавательной форме, как мнение.

Разрабатывая свое трансцендентальное учение о методе, Кант, предварительно указав, что хотя признание нами чего-либо истинным, посредством суждения, может иметь объективные основания, тем не менее, оно также требует субъективных причин со стороны того, кто это суждение высказывает, обращается непосредственно к анализу самого процесса признания истинности суждения, которое, как он полагает, имеет три ступени – мнение, веру и знание. Соответственно, мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны, в то время как если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны, но считается объективно недостаточным – оно называется верой, и, наконец, и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание. Несмотря на то, что анализ мнения, предпринятый Кантом является достаточно кратким, итогом чего является вывод Канта о том, что в суждениях чистого разума мнения вообще не допустимы, следует признать определенного рода соответствие между кантовским анализом и позицией отстаиваемой в диссертационном исследовании, поскольку само утверждение, согласно которому мнение это первичная система описания и представления чего-либо, по сути, означает невозможность нахождения как субъективных, так и объективных оснований, заставляющих принять нас некоторую вполне конкретную систему описания мира и указания на него из всех возможных ее альтернатив.

Интересно, что разделяемое многими современными направлениями в философии представление о том, что мышление зависит от языка и любые мыслимые дистинкции не могут иметь никакого статуса во внешнем мире без

формулирующего их языка, также явно или неявно склоняет к принятию кантовских принципов трансцендентализма, а именно к известному различению ноуменальных и феноменальных признаков вещи. Иными словами, следует признать возможность того, что то, чем является мир независимо от размышляющего о нем сознания, есть либо единственный ноумен, либо даже несколько ноуменов, но без каких-либо внутренних признаков и различий, которые собственно возникают лишь с появлением сознания и, по сути, оказываются навязанными соответствующей языковой структурой. В таком случае оказывается допустимо постулировать, вслед за Кантом, наличие трансцендентального объекта – ноумена, который лежит в основе того или иного семейства описаний, связанных отношением случайного тождества, то есть все системы связанных друг с другом описаний указывают на один и тот же трансцендентальный объект – один неопределенный ноумен, и о котором, по сути, больше ничего нельзя знать, кроме того, что данный трансцендентальный объект является логическим субъектом всех возможных предикаций, хотя эти предикации и применимы к нему только в той мере, в которой этот ноумен, категоризован при помощи языка, используемого мыслящим субъектом для того, чтобы о нем мыслить.

Как следствие, являясь продолжением кантовской эпистемологической традиции, стремившейся связать трансцендентальный анализ с лингвистическим, современная философия – и в особенности аналитические течения – поставила вопрос о том, как язык «прицепляется» к миру и каким критериям употребления он должен отвечать, чтобы быть истинным сообщением о том, о чем он сообщает. Следует особо подчеркнуть, что методологические рамки аналитической философии на современный момент времени сделались предельно размытыми, поскольку не осталось практически ни одной традиционной концепции, которая не была бы критически опровергнута более «поздними» аналитиками, но, тем не менее, все течения и направления в аналитической философии принято связывать с тем, что называется *Linguistic Turn* – «лингвистическим поворотом», имеющим самое непосредственное отноше-

ние к критике языка, и, в соответствии с которым аналитическая философия, по сути, предполагает анализ употребления языковых знаков и выражений в качестве источника постановки и решения философских проблем.

Новая «лингвистическая», или «семантическая», стратегия состояла в переводе философии с разговора *о предметах* на разговор *о словах*, или, иными словами – «...произошел переход от одного объекта исследования к другому: от человека и мира к языку, на котором можно говорить о человеке и мире»¹. Таким образом, *Linguistic Turn* – это поворот от наивно-реалистического представления о том, что философия может исследовать мир в его субстанциалистском и эссенциалистском смысле, к исследованию того, как мы говорим о мире и как рассуждаем о самом рассуждении. Соответственно, при решении ключевых – в рамках поставленной проблемы – вопросов использовались идеи таких исследователей-аналитиков, как Б. Больцано, Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Ф. Рамсей (F.P. Ramsey), К. Гёдель, К. Гемпель, А. Тарский (A. Tarski), Дж. Мур, Дж. Остин, Г. Райл (G. Ryle), А. Айер (A.J. Ayer), Р. Карнап (R. Carnap), Х. Рейхенбах (H. Reichenbach), Р. Мизес (R. Mises), У. Селларс (W. Sellars), П. Стросон (P. Strawson), Р. Чизолм, В.О. Куайн (W. Quine), М. Даммит (M. Dummett), Г. Бэйкер (G.P. Baker), Л. Тондл, Э. Гетье (E.L. Gettier), Ф. Фитч (F.V. Fitch), В. Харт (W.D. Hart), Н. Гудмен, Д. Дэвидсон (D. Davidson), К.-О. Апель, Х. Патнэм, С.А. Крипке, А. Данто, Р. Рорти, Я. Хинтиikka, а также исследования, посвященные эволюции взглядов и позиций представителей аналитической философии – Г. Кюнга, П. Хакера (P. Hacker), Н. Решера (N. Rescher), Дж. Пассмора, Б. Страуда (B. Stroud), Д. Фоллесдала, М. Кронгауза, А.Ф. Грязнова, И. Джохадзе, А.В. Кезина, М.В. Лебедева, С.В. Никоненко, В.А. Суровцева, Я. Шрамко.

Осознание того, что анализ общей структуры языка может являться одним из способов разработки метафизики, – поскольку выявление общих особенностей некоторого языка, совместно используемого нами в целях коммуникации, по сути, означает выявление общих особенностей реальности, кото-

¹ См.: Кронгауз М. Критика языка//Логос. 1999. – №3. – С.134.

рые могут быть выражены и обозначены в этом языке, – смещает акцент в пользу логико-философских и лингвистических исследований. Возникают устойчивые представления о том, что только анализ семиотической сферы языка способен предоставить необходимый критерий для исследования познавательных функций языка. Одновременно с этим получают признание аргументы историков и социологов науки – М. Полани, Н. Хэнсона (N.R. Hanson) и Л. Флека, которые выдвинули и последовательно обосновали гипотезу о «теоретической нагруженности опыта», отстаивая тем самым признание активности восприятия человеческого разума на всех уровнях, то есть принципиальное отсутствие любых неструктурированных или абсолютно непосредственных чувственных «данных». При этом наличие множественности способов постижения действительности – среди которых есть и такие, которые, вовсе не согласуются с нашим опытом, хотя вместе с тем имеется и множество различных систем, которые так или иначе «соответствуют» миру, причем некоторые из них представляют собой полностью равнозначные альтернативы – означает необходимость признания утверждения о том, что адекватность способа описания никоим образом не может быть вопросом истинности, поскольку утверждение истинно, а описание или представление правильно для мира, которым они соответствуют.

Иными словами, наличие нескольких конфликтующих версий мира не отменяет и не уменьшает их истинностного значения для разных «концептуальных схем», хотя аналогичным образом признание относительности истинности языкового выражения, тем не менее, не отрицает необходимости выявления четких критериев его правильности, в качестве которых могут выступать критерии адекватности правилам конструктивной системы, а это, соответственно, означает, что признание конвенциональности значения не подразумевает с необходимостью признание его произвольности, что, в свою очередь, потребовало привлечения работ в области теоретической лингвистики, семиотики, а также исследований стилистики дискурса – Ф. Соссюра,

М. Блумфилда, А. Вежбицки, Э. Сэпира, Б. Уорфа, У.Л. Чейфа, Ч.С. Пирса, Р. Барта, Ж. Женетт, Ж. Делёза, Б. Миллера и Д. Льюиза.

Таким образом, все вышеперечисленные исследования создают определенного рода концептуальное пространство, в рамках которого предлагается авторская интерпретация проблемы и путей ее решения.

- ***Цель и задачи исследования.***

Основная цель диссертационного исследования состоит в анализе когнитивных функций такой особой познавательной формы, как мнение, посредством установления возможных критериев оценки разных по содержанию, но имеющих общий предмет мнений. Эта цель достигается посредством решения следующих задач:

1. *Прояснение границ и возможностей анализа такой особой познавательной формы, как мнение, артикулированного в виде некоторого осмысленного множества высказываний или системы предложений.*

2. *Уточнение понятия «истина», предоставляющее необходимые условия для проведения корректного анализа мнения, не нарушая принципа совместимости между значениями знаков и способами их использования, которые задают возможную интенцию их значения.*

3. *Нахождение и обоснование необходимого критерия – регулятива когнитивной деятельности, позволяющего произвести оценку и выбор из двух и более мнений, посвященных некоторому общему для них предмету, что предполагает элиминацию в анализе любых онтологических допущений.*

Объектом исследования является функционирование и прагматический аспект значения такой особой познавательной формы, как мнение, рассматриваемые в контексте вопроса об отношениях языка и реальности.

Предметом исследования является «правдоподобность» как имманентно присущее мнению свойство, выступающее в качестве специфического критерия для его оценки.

- ***Методология исследования.*** *Методологическим основанием диссертационного исследования является система общих принципов теории познания, представленная в так называемом аналитическом методе. Также активно применяется сравнительно-критический и структурно-функциональный анализ.*

• ***Основные результаты диссертационного исследования, выносимые на защиту.***

1. Мнение как особая познавательная форма выступает в качестве инструмента для создания определенного «образа» или «картины» мира, посредством предоставления способа ее описания – «точки зрения». Соответственно, мнение представляет собой уникальную и индивидуальную интерпретацию мира или фрагмента реальности. В отношении мнения нельзя провести различия, аналогичного различию между высказыванием и предложением, поскольку оно имеет лишь определенное сходство с высказываниями, но никак не с предложениями. Мнение невозможно использовать для характеристики целого класса положений дел или ситуаций, ведь мнение всегда описывает только одно конкретное положение дел или одну конкретную историческую ситуацию.

2. Сама по себе истинность или ложность высказываний, артикулирующих мнение не является ни достаточным, ни необходимым условием его истинности. Иными словами, несмотря на то, что любое мнение выражается некоторым осмысленным конечным множеством высказываний, которые сами по себе могут являться либо истинными, либо ложными, истинностное значение мнения взятого как целое не является функцией от истинности и ложности составляющих ее высказываний.

3. Прагматистская, корреспондентная и когерентная теории истины являются иррелевантными в отношении мнения как особой познавательной формы, поскольку не позволяют дать удовлетворительное определение понятий «истинность» и «ложность» мнения, и, следовательно, необходимо заключить, что говорить об истинностном значении мнений в том смысле, в каком говорится об истинностном значении высказываний нельзя.

4. Взамен терминов «истинность» и «ложность», как критериев для проведения оценки двух и более мнений, имеющих некоторый общий для них предмет, следует принять имманентное свойство мнения – «быть правдоподобным», которое выступает в качестве признака его относительной приемлемости или адекватности, но не как степень вероятности того, что то, о чем говорится в мнении в той или иной степени соответствует действительности.

5. Способ понимания мира или фрагмента реальности посредством такой особой познавательной формы, как мнение, может быть осуществлен только

при наличии множества разных мнений, поскольку это позволяет взаимно определять имплицитно содержащиеся в них «точки зрения», а это означает, что существование «со-мнения», или альтернативного мнения, не проблематично, но аподиктично. Соответственно, наличие иной «точки зрения» является необходимым условием для установления специфического характера любой другой «точки зрения». Максимальная ясность интерпретации в отношении некоторого предмета может быть достигнута исключительно в условиях множественности мнений.

- ***Научная новизна исследования.***

1. Диссертационное исследование реализует и аргументирует подход к мнению как дискурсивно артикулированной форме мысли, выраженной некоторым конечным осмысленным множеством высказываний, что предоставляет необходимые основания для утверждения, согласно которому анализ познавательных форм не предполагает изучение внеязыковой действительности, поскольку природа мнения объяснима исходя из структуры мышления, а также из семантики и синтаксиса языка, и именно поэтому сам вопрос о природе мнения является в той или иной мере вопросом об отношениях элементов мысли и языка. Все это позволяет более эффективно использовать такую особую познавательную форму, как мнение, и указывает на неизбежность присутствия элементов мнения в любом познавательном дискурсе.

2. Обоснована необходимость применения методологического инструментария философии языка, позволяющего корректно выявлять и анализировать специфику такой особой познавательной формы, как мнение.

3. Проведен оригинальный анализ прагматических аспектов мнения – критериев оценки двух и более мнений, имеющих некоторый общий для них предмет.

- ***Теоретическая и практическая значимость исследования.***

1. Обосновано утверждение о том, что вопрос о природе такой особой познавательной формы как мнение – это вопрос несвязанный с понятием «истинности», то есть возможностью того, что какие-то элементы описания мира, содержащиеся в мнении, могут выполняться, или, иными словами, соответствовать действительности, а какие-то нет, а это, в свою очередь, позволяет утверждать, что указанный вопрос о природе мнения лишается традици-

онно понимаемого референциального измерения, которому в классической теории истины соответствует корреспондентный элемент.

2. Результаты исследования могут служить основой для разработки специальных средств анализа в отношении такой особой познавательной формы, как мнение. В частности, на основе предлагаемого взгляда был предпринят опыт исчисления правдоподобности мнений и разработан аппарат, позволяющий производить количественную оценку «коэффициента правдоподобности» для исторических моделей, являющихся способами видения прошлого, или его интерпретациями. Основой предлагаемого аппарата для исчисления «коэффициента правдоподобности» выступает идея о том, что любой предмет исторического исследования конституируется той или иной исторической моделью, которая носит характер интерпретации данного предмета и имеет определенную степень правдоподобности, выражаемую числовым значением «коэффициента правдоподобности». В свою очередь, найденные «коэффициенты правдоподобности» позволяют провести комплексную оценку соперничающих исследовательских позиций, образующих историографическую модель и являющуюся реконструкцией некоторых вполне конкретных диспозиций в пространстве интеллектуального внимания, то есть некоторой совокупностью исторических моделей, для которой оказывается возможным, опираясь на известные значения «коэффициентов правдоподобности», составляющих ее интерпретаций, дать количественную оценку степени проработанности тех или иных тематик, а именно закрытость или открытость для исследований некоторой вполне определенной исторической тематики, оказывая тем самым исследователю помощь в выборе оптимальной интеллектуальной стратегии – синтеза или оппозиции. Следует также отметить, возможность создания аппарата, позволяющего производить оценку «коэффициента правдоподобности» мнений в целях его применения в области политологии, PR-технологий и политической логистики.

3. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по теории познания, истории и философии науки, а также философии языка.

- **Апробация результатов исследования.** Результаты диссертации апробированы в следующих формах:

- Выступления на конференциях (XI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2004», г. Москва), летних философских школах (VII Летняя философская школа «Голубое озеро», г. Новосибирск) и действующем при кафедре философии ОмГУ семинаре аспирантов.

- Исследование, поддержанное грантом федерального агентства по образованию (Грант: А04-1.1-223, «Количественные методы и оценка правдоподобности исторических взглядов»).

- **Структура и объем исследования.** Диссертация изложена на 138 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 157 наименований, в том числе 31 на иностранном языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, проводится характеристика степени ее разработанности, определяются теоретико-методологические основания, цели и задачи, теоретическая и практическая значимость, аргументируется научная новизна и формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Истина как критерий применения форм познания» предпринимается попытка адекватной интерпретации понятия «условия истинности» относительно такой особой познавательной формы, как мнение. Условия истинности принято связывать с известным утверждением, в соответствии с которым значение предложения есть метод его верификации, что, тем не менее, отнюдь не исключает возможность различных способов употребления предложений.

По сути дела данное утверждение означает лишь то, что имеются некоторые общие средства выведения конкретных особенностей использования предложения из какой-либо одной характеристики, так что знание этой ха-

рактики и есть то знание, которое необходимо говорящему для постижения смысла предложения, именно в этом случае знать смысл предложения – это знать условия его истинности, или, что то же самое, метод его верификации, и хотя не существует всеобщего и безошибочного критерия для признания истинности того или иного предложения, тем не менее, можно ввести достаточно четкий критерий для признания говорящим выполнения того условия, которое устанавливает любое данное предложение как истинное, и тогда знание говорящим условия истинности предложения будет заключаться в овладении им некоторой разрешающей процедурой, то есть в его способности при благоприятных обстоятельствах осуществлять эту процедуру и, в конце концов, продемонстрировать свое понимание того, имеется ли необходимое условие или нет.

Однако в то же самое время, необходимо отметить, что в естественном языке встречается множество предложений, а также их дискурсивно организованных систем, для которых не существует эффективной процедуры определения того, выполнены или нет их условия истинности. Вследствие этого в понятии истины оказывается изначально заложен конфликт между семантическими и прагматическими признаками, поскольку истина обычно трактуется как «объективное» свойство, не зависящее от имеющегося у него определенного «фоновое» значения или личностных мотивов произнесения речи, хотя, по сути, такого рода понимание «условий истинности» возникло из понятий «правильности» или «неправильности» лингвистического акта утверждения, связанного с конкретной языковой практикой, иными словами, принцип соответствия утверждений определенным компонентам реальности представляет собой лишь один аспект общей теории истины, причем он играет в основном прагматическую, а именно регулятивную роль.

В параграфе – §1.1. «Оппозиция познавательных форм: *δόξα* и *ἐπιστήμη*», – отмечается, что возникновение известного различия познавательных форм на *δόξα* и *ἐπιστήμη* является результатом процесса осмысления и категориального оформления основных философских идей и проблем зарождающейся теории познания, среди которых приоритетная роль закрепляется за вопросом об отношении между познанием и миром.

При этом указанная оппозиция мнения и знания впервые становится основанием для соотнесения способов познания с различными уровнями реально-

сти – «чувственное восприятие», имеющее своим предметом изменчивый мир становления – *αἰσθητά*, рождает – *δόξα*, как область веры – *πίστις*, и догадки – *εἰκασία*, в то время как «мышление» и «разум», обращенные на умопостигаемый мир неизменного бытия, приводят к «истине» – *ἀλήθεια*, являющейся определяющим свойством для *ἐπιστήμη*. Соответственно, способы познания дифференцируются на непосредственно-интуитивные – *νόησις*, и дискурсивные – *διάνοια*, и именно последние, то есть дискурсивные способы познания характеризуются либо как *ἐπιστήμη* – «точное знание», или исходящее из необходимых посылок, либо как *δόξα* – мнение, если посылки носят вероятностный характер.

Как следствие, тесная связь онтологических и гносеологических аргументов в процессе эволюции теории познания привела к постепенному становлению и утверждению «теории отражения» – *Abbildstheorie*, как основания общей доктрины «реализма», согласно основным принципам которого все, что может быть «познанным», «увиденным» или «воспринятым» каким-либо другим способом с необходимостью уже должно находиться где-то там вне познающего субъекта еще до того как оно станет предметом «познания». Таким образом, процессу познания приписывается способность и необходимость быть «изображением» и «отражением» мира, который пребывает где-то там – вне субъекта познания, и который должен существовать до того, как познающий субъект его увидит либо воспримет каким-то другим образом. Однако априорное допущение того, что познание является обязательным описанием, или изображением мира, таковым каков он есть, ставит традиционную теорию познания перед сложнейшей дилеммой – необходимостью выбора критерия, исходя из которого оказывается возможным судить о «правильности» наших описаний и изображений, и, как следствие, на роль такого критерия было выдвинуто понятие «истина» – *ἀλήθεια*, которое в процессе последующей историко-философской эволюции превратилось в совершенно особую семантическую категорию, ставшую специальным предметом логико-философского анализа.

В целом теория познания имплицитно содержит два основных методологических подхода в отношении познавательных форм – «реализм» и «антиреализм». При этом в основе любой версии «реализма» лежит принятие двух онтологических принципов: наличия непустой области объектов, называемой «внешним миром», элементы которой «реально» существуют, обладают различными свойствами и находятся в различных отношениях друг к другу независимо от чьих-либо ощущений, суждений, убеждений, мыслей, языковой практики или «концептуальных схем». Позиция противоположная реализму, в особенности после произошедшего в философии «лингвистического поворота», то есть после утверждения за языком медиального статуса посредника, отрицая онтологический принцип «независимости от сознания» и сознательно перемещая тем самым акцент философского анализа из метафизики в область семантики и философии языка, все чаще принимает форму «семантического антиреализма».

В параграфе – §1.2. «Истина как регулятив когнитивной деятельности», – в контексте определения понятия «истина» анализируются основополагающие «условие-истинностные» проекты семантик, среди которых следует особо выделить – классическая фрегеанская логицистская семантика, редукционистская семантика Рассела, поздневитгенштейнеанская «динамическая» трактовка значения, формальная семантика условий истинности Дэвидсона-Тарского и верификационистская или инструменталистская семантика Даммита-Кастанеды.

Следует отметить, что сам интерес к механизмам функционирования такой особой познавательной формы, как мнение, в когнитивных процессах ставит перед необходимостью детального анализа понятия «истина, тем более что наш познавательный акт обычно трактуется в традиционной теории познания как процесс приобретения субъектом познания некоторого истинного обоснованного убеждения, а это означает, соответственно, что за истиной закрепляется роль того самого необходимого критерия, исходя из которого оказывается возможным судить о «правильности» любых наших описаний и репрезентаций мира или его фрагмента.

Логицистская семантика Фреге, предлагая новый принцип выделения элементов структуры предложения и опираясь на собственное понимание логической структуры, определяющим для которой становится не форма связи понятий, а условия истинности высказываний, исходя из чего элементы ло-

гической структуры высказывания должны определяться только в зависимости от той роли, которую они играют при установлении его истинностного значения, разрабатывает номинативную теорию предложений, где 'истина' и 'ложь' рассматриваются как особые предметы, именами которых являются предложения.

Редукционистская семантика Рассела, в свою очередь, исходя из признания зависимости онтологических представлений от логической структуры, предлагает собственную теорию истины, основанием которой является утверждение о том, что пропозициональная функция есть одновременно и предметно-истинностная функция. Иными словами, 'истинность' и 'ложность' – это свойства наших убеждений и утверждений, возможность установления которых зависит лишь от того, что лежит вне самих убеждений и утверждений – фактов. При этом деятельность познающего субъекта может быть сведена к процедуре упорядочивания конститuent наших убеждений и утверждений, расположение которых может соответствовать или же не соответствовать их порядку в объективном факте, а это означает, что убеждение или утверждение признается истинным, если имеется соответствие между определенным фактом и суждением о нем, и ложным, если такого соответствия нет.

Поздневитгенштейнеанская «динамическая» концепция значения, признавая возможность рассматривать языковую деятельность как правилосообразную – хотя и дать некоторую определенную исчерпывающую систему языковых правил, которая была бы полной и недвусмысленной, невозможно, поскольку не существует такого правила, которое независимо от нашей практики его применения однозначно определяло бы, правильно или неправильно используется выражение – обращает внимание на то, что любые предложения, приписывающие значение и интенцию любым другим предложениям сами по себе бессмысленны, и это, в свою очередь, составляет главный аргумент в пользу утверждения необоснованности представлений о том, что единственный путь к идентификации фактов лежит через анализ использования выражений, которые выдвигают суждение об этих фактах, то есть предполагают анализ условий их истинности.

Формальная семантика Дэвидсона-Тарского, принимая, в частности, холистскую установку в отношении языка, заключающуюся в признании взаимосвязи выражений в пределах структуры языка в целом, указывает, что пропозиции, которые связывают выражения и их значения должны рассматриваться как пропозиции, связывающие предложения между собой, а точнее связывающие, с одной стороны, предложения на языке, к которому применяется формально-семантическая теория значения, понимаемая как «объектный язык», с предложениями на языке, в котором изложена сама теория значения, или «метаязыке», с другой, – таким способом, что «метаязык» позволяет эффективно «давать значения» или переводить предложения «объектного языка», причем именно определение условий, при которых некоторое предложение является истинным и есть сам способ определения значения предложения. Как следствие, семантика Дэвидсона-Тарского, рассматривая значения целых предложений как зависящие от компонентов этих предложений, определяет истину *рекурсивно* в том, что истина сложных выражений трактуется как производная от истины более простых и примитивных выражений.

Верификационистская семантика Даммита не соглашаясь с тем, что сама трактовка выражений '...является истинным' и '...является ложным' как особого рода семантических предикатов, применяемых к суждениям или пропозициям, делает необходимым утверждение, согласно которому 'истина' и 'ложь' являются свойствами суждений или пропозиций, обращает внимание на то, что само использование терминов 'истина' и 'ложь', для обозначения референций предложений – при том, разумеется, допущении, что мы рассматриваем предложения как имеющие референции, предполагающее, в свою очередь, принцип материальной эквивалентности как критерий тождества – позволяет дать вполне исчерпывающее истолкование функциям таких понятий как 'истина' и 'ложь', которыми они обладают, когда обычно применяются в нашем повседневном дискурсе. Исходя из чего, Даммитом делается вывод о том, что знание смысла предложения – это знание условий его истинности, или, что то же самое, метода его верификации, состоящего в признании говорящим выполнения того условия, которое устанавливает любое данное предложение как истинное.

Аргументируя в пользу представления об автономии действительного и вымышленных миров, инструменталистская семантика *G-ССС* Кастанеды показывает, что, по сути, пропозициональные операторы являются своего рода логическими функторами, посредством которых любое данное предложение естественного языка можно вполне однозначно индивидуализировать в отношении или некоторого возможного мира, или, если в том есть необходимость, в отношении нашего действительного мира, а это предполагает, в свою очередь, четкое различие двух важнейших функций внешней, или неаналитической, предикации – экзистенциальной и фиктивной. Как следствие, собственно фиктивные истины, то есть утверждения, включающие только фиктивную предикацию, должны быть по возможности максимально отделены как от действительности, так и изолированы между собой, хотя в то же время любое истинное утверждение, относящееся к миру вымысла, может совмещаться с любым как истинным, так и ложным – по отношению к действительному миру – утверждением не создавая никакой путаницы.

Таким образом, анализ идей, заложенных в основания указанных проектов «условие-истинностных» семантик, позволяет сделать важнейшее заключение, согласно которому любое определение понятия «истины» принципиально предполагает необходимость различения между структурным и функциональным определениями истины, то есть – тем, *что* есть истина, или какие именно вещи являются истинными, и тем, что означает утверждение их истинности. Семантическое определение истины, согласно которому – 'истина' есть такое свойство предложений, как впрочем, и любых иных носителей истинности, благодаря которому становится известным их значение', полностью отвечая своему функциональному предназначению, трактует значение языковых выражений путем определения их условий истинности. В целом именно функциональная трактовка определения истины предлагаемая семантикой делает возможным предположение о том, что сама по себе 'истинность' есть следствие дефляционной способности языка, что, в свою очередь, не ставя истину в прямую зависимость от того или иного отношения к предметам в мире и вообще от какого бы то ни было отношения, то есть, позволяя исключить референциальную отсылку к фактическим положениям дел, позволяет сделать 'истинность' важнейшим инструментом анализа прагматики наших убеждений и суждений о мире или некотором его фрагменте. Как следствие, необходимо признать, что 'истинность' помимо семантической

имеет еще и прагматическую функцию регулятива когнитивной деятельности субъекта познания, позволяющему производить отбор среди потенциально бесконечного числа предложений тех из них, которые, как кажется субъекту познания, действительно позволяют сказать нечто значимое о мире или его фрагменте.

Во **второй главе** «*Мнение: истинность versus правдоподобность*» отмечается, что в целом проект лингвистической критики метафизической философии имеет своим предметом аристотелевское понимание истины, которое начинает расцениваться как следствие вполне определенной языковой конвенции, поскольку если взаимопонимание на уровне языка неизбежно требует intersубъективного признания некоторых правил, то и возможность истины как «объективной» оказывается предусмотрена самим языком.

Как следствие, в философии языка возникает и получает систематическую аргументацию идея, согласно которой все свои представления о структуре мира человек получает из структуры языка, более того, между обеими структурами имеется столь строгое соответствие, что изменения в «грамматике» языка должны вызывать за собой и изменения в мировоззрении. Иными словами, каждый человек оказывается в семантическом плену своей индивидуальной лингвистической оболочки и это, в свою очередь, объясняет, почему какими бы разными ни были индивидуальные языки и как бы плохо они ни согласовывались друг с другом, тем не менее, каждый из них прекрасно согласуется со своим собственным «миром», но вместе с этим «действительный мир» – «мир-как-он-есть» – вовсе не совпадает по структуре ни с одним из возможных языков, как в отдельности, так и со всеми ними в совокупности. Постепенно возникает понимание того, что внешний «действительный мир» ничего конкретного субъекту познания не навязывает и ему подходят разные его «картины», а это, соответственно, делает мир по отношению к нам «бесконечным», ведь у нас нет никакой возможности отрицать то, что мир заключает в себе бесчисленные толкования, однако это, тем не менее не исключает возможности поиска и анализа тех прагматических критериев, которые по-

зволили бы нам давать оценки некоторым вполне конкретным индивидуальным «картинам мира» – мнениям.

В параграфе – §2.1. «Об истинностном значении мнения», – анализируется идея, согласно которой, несмотря на то, что любое мнение состоит из некоторого конечного множества высказываний, которые сами по себе могут являться либо истинными, либо ложными, тем не менее, истинность мнения, взятого как целое, не является функцией от истинности составляющих его высказываний, так как мнение нельзя рассматривать в качестве простой конъюнкции высказываний. Представление о доксе как конъюнкции высказываний принципиально лишает смысла любую прагматику мнения – призванную найти и обосновать такой критерий, который позволял бы корректно и адекватно проводить сравнительную оценку мнений, выражаемых посредством тех или иных осмысленных конечных множеств высказываний – поскольку в этом случае полностью отрицается возможности выбора между двумя и более мнениями, которые в соответствии с этим представлением должны будут оцениваться либо как безусловно ложные, в том случае если хотя бы одно из входящих в эти мнения высказываний ложно, и, соответственно, в равной степени неприемлемые, либо, в том случае когда истинность сравниваемых конъюнкции окажется достоверно установлена, тем не менее, останется не понятным какую из наличных «истин», предлагаемых разными мнениями, следует предпочесть.

Не позволяет корректно и адекватно решить вопрос об «истинности доксы» и более «гибкий» подход, предлагающий ввести в процедуру оценки допущения, согласно которым, во-первых, существуют степени истинности, выражающее процентное содержание в некотором конечном множестве высказываний, обладающих истинностным значением, и, во-вторых, все высказывания, составляющие некоторое данное множество, или мнение, следует оценивать по степени важности сообщаемого в них, – все это означает, что мнение должно рассматриваться как истинное, если оно сообщает обо всем, или почти обо всем, что является важным для правильного понимания ее предмета, иными словами, под «истинностью мнения» следует понимать то, что это мнение сообщает нам некоторую «значимую истину» о своем предмете. Тем не менее, оба эти допущения приходят в противоречие, если их по-

пытаться применить к такому осмысленному конечному множеству высказываний как мнение, поскольку для того чтобы признать некоторую истину, содержащуюся в мнении о некотором предмете, за «значимую» по отношению к данному предмету, необходимо чтобы сама эта истина имела такой характер, когда относительно ее мы не можем заведомо знать, является ли она значимой для понимания данного предмета или нет, а это означает, что «гибкий» подход к определению истинностного значения мнения должен быть отвергнут, как противоречивый.

Таким образом, взятая сама по себе истинность или ложность составляющих мнение высказываний не является ни достаточным, ни необходимым условием ее истинности, как следствие, выбрать наиболее успешную интерпретацию предмета мнения возможно лишь сравнивая его содержание с другими наличными интерпретациями этого же предмета, и, соответственно, не предмет мнения – «мнимое», а другие наличные мнения – «со-мнения» – являются окончательным критерием для оценки какого-либо конкретного мнения. Человек, выдвигающий мнение о некотором предмете, решает проблему способа описания мира посредством индивидуализации некоторой своей «точки зрения» на мир, а это, соответственно, означает, что «несовместимыми» могут быть лишь предметы мнений – «мнимое», которые мнения, как способы описания мира предлагают, нам видеть посредством имплицитно содержащихся в них «точек зрения», и, как следствие, сами мнения или предлагаемые ими «точки зрения» не могут находиться в отношениях «несовместимости», иными словами, «несовместимыми» могут являться лишь следствия, проистекающие из нашего согласия или не согласия с предлагаемой тем или иным мнением «точкой зрения». Контекст, в котором обычно употребляется понятие «несовместимый», в ситуации, когда речь идет о двух и более разных по содержанию мнениях, указывает только лишь на то, что данное отношение между этими мнениями находится в плоскости морального воздействия, которое они оказывают на человека, и, соответственно, мнение в отличие от простых констатирующих и эмоционально нейтральных высказыва-

ний призвано оказать подобного рода воздействие, что объясняет тем самым наличие в любом мнении эристических элементов.

В параграфе – §2.2. «"Правдоподобность" как критерий оценки мнений», – предлагается взамен терминов «истинность» и «ложность», как критериев для проведения оценки двух и более мнений, имеющих некоторый общий для них предмет – «мнимое», принять их фундаментальное свойство – «быть правдоподобным», которое выступает в качестве признака относительной приемлемости или адекватности мнений.

При этом свойство мнения «быть правдоподобным» нельзя понимать в абсолютном смысле, согласно которому может существовать одно и только одно правдоподобное мнение о некотором предмете, и эта правдоподобное мнение должно служить критерием при установлении правдоподобности других мнений, относящихся к тому же самому предмету, поскольку это означает, что, во-первых, либо существуют правила, обеспечивающие построение правдоподобного мнения в абсолютном смысле, что неверно, так как сама идея, согласно которой субъект познания должен осуществлять доксоморфный «перевод» того, каким действительно является мир, исходит из в корне ошибочного допущения о существовании «правил перевода», точное и аккуратное применение которых может обеспечить правдоподобность мнения, либо, во-вторых, что существуют правила или критерии, позволяющие выделять мнение правдоподобное в абсолютном смысле, среди других мнений, имеющий некоторый общий для них всех предмет – «мнимое», что также неверно, поскольку, если количество мнений по тому или иному предмету может быть бесконечным, то, соответственно, всегда есть логическая возможность вслед за определенным мнением, которое первоначально было определено правдоподобным в абсолютном смысле, предложить другое, еще лучше соответствующее критериям правдоподобной доксы в абсолютном смысле.

Отсюда, для определения «точки зрения», имплицитно содержащейся в мнении, а значит и для установления относительной его правдоподобности необходимо наличие других мнений, и, соответственно, установить правдоподобность мнения, если по какому-либо предмету имеется только одно мнение, оказывается невозможно, а, следовательно, именно наличие каждой «точки зрения», являясь необходимым условием специфического характера

любой другой «точки зрения», позволяет устанавливать относительную правдоподобность мнений.

Соответственно, утверждение о том, что некоторое мнение более правдоподобно, не означает простое заявление, согласно которому данное мнение дает более полный «образ» или «картину» своего предмета, чем «конкурирующие» мнения, не подкрепляя в то же время их никакой аргументацией, так как в мнении любой тезис и аргументы в его пользу неразрывны, и, соответственно, ней выводы никогда нельзя отделить от их обоснования, то это означает, что в отношении любого мнения нельзя одновременно утверждать, что, во-первых, она плохо аргументирована и, во-вторых, она обладает высокой степенью правдоподобности, поскольку эти два положения являются взаимоисключающими.

Все это означает, по сути, что нет оснований требовать от человека, выдвигающего некоторое вполне определенное мнение, чтобы он отбросил все свои этические, политические или эстетические убеждения, в момент создания своего мнения, поскольку по отношению к любому предмету невозможна «абсолютно нейтральная», или «чисто теоретическая» перспектива, более того именно благодаря приверженности некоторой этической, политической или эстетической позиции иногда становится возможным выдвигать мнения, обладающие высокой правдоподобностью, ведь сами «точки зрения», имплицитно содержащиеся в мнениях и определяющие их структуру зачастую оказываются неразрывно связаны с этическими, политическими, эстетическими и иного рода ценностями, вследствие чего, многие из мнений утрачивают свою внутреннюю связанность, когда из них устраняют структурирующие их те или иные системы ценностей, хотя, в то же время, сами эти ценности не являются необходимым условием для создания правдоподобных мнений, поскольку свойство мнения «быть правдоподобным» логически никак с ними не связано и, соответственно, является ценностно-нейтральным.

В заключении приводятся и анализируются основные результаты диссертационного исследования, определяются перспективы для дальнейшего развития темы исследования.

• *Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:*

1. Нехаев А.В. Структура социальной онтологии // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2003. – С.56-61.

2. Нехаев А.В. Качественная модель социальной реальности // Трансляция философского знания: наука, образование, культура. Материалы научно-методического семинара летней философской школы «Голубое озеро – 2003». – Новосибирск: НГУ, 2003. – С.116-121.

3. Нехаев А.В. Количественные методы для поля социально-гуманитарных наук // Сборник тезисов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2004». – М.: Изд-во Московский университет, 2004. – Т.2. – С.449-450.

4. Нехаев А.В. О прогностической функции закона малых чисел Р.Коллинза для истории и историков // Математические структуры и моделирование. – Омск, 2004. – Вып.14. – С.101-122.

5. Нехаев А.В. «Правдоподобность» как критерий историографических оценок // Философия: история и современность. 2004-2005: Сб.науч.тр. Ин-т философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН/Новосиб. гос. ун-т/Омский гос. ун-т. – Новосибирск-Омск, 2005. – С.127-152.